

Секция «Новая и новейшая история стран Азии и Африки»
**Взаимодействие русской эмиграции с властями Маньчжоу-Го
(Маньчжоу-Ди-Го) в 1932-1945 гг.**

Гринёва Софья Михайловна

Студент (бакалавр)

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

E-mail: sofia.grineva2012cn@gmail.com

1 марта 1932 года на территории Маньчжурии Японией было провозглашено образование формально независимого государства Маньчжоу-Го (впоследствии, Маньчжоу-Ди-Го или Маньчжурской империи), чему предшествовала оккупация территории Северо-Восточного Китая Квантунской Армией Японии. Во главе марионеточного государства был поставлен последний представитель династии Цин - Пу И. Маньчжурия представляла для японского милитаризма не только плацдарм для покорения Китая и последующего установления мирового господства, но и поле для эксперимента по реализации на практике принципа «Весь мир под одной крышей» [1].

Русская колония в Маньчжурии, в 20-е годы формировавшаяся за счёт массового притока белоэмигрантов, рассматривалась японскими милитаристами в качестве потенциального союзника в дальнейшей борьбе с СССР и стала объектом соответствующей идеологической обработки со стороны Японской военной миссии. О своей лояльности японским милитаристам заявили Российская фашистская партия (генеральный секретарь - К.В. Родзаевский), часть казачества («семёновцы»), легитимисты. Среди рядового эмигрантского населения с течением времени также выявились пособники японского режима, нанимавшиеся в русскоязычную ежедневную газету «Харбинское время», в которой велась антикитайская агитация, а также подвергались порицанию те, кто не желал служить новым властям. Таковыми, в частности, были члены Дальневосточного отделения Русского общецерковного союза Г.А.Вержбицкий, Е.Г. Сычев, Г.И. Клерже, Н.И. Белоцерковский[1].

Все сферы общественной жизни в Маньчжоу-Го находились под строгим контролем со стороны государства. В то же время, режим имел преступный характер, всюду царил произвол [2] [4]. Эмигранты подвергались нападениям со стороны китайских разбойников *хунхузов*, состоявших на службе у японских властей[6]; в Отряд 731, осуществлявший опыты над людьми, ежегодно попадало до 700 человек, из которых русских было около 70[1]. Уровень безработицы был чрезвычайно высоким, что вынуждало определённую часть населения заняться преступной деятельностью, активно поощряемой властями. В этих условиях в Маньчжоу-Го существовали структуры, как правительственные, так и созданные по инициативе «снизу», призванные определённым образом улучшать положение русского населения. Защитой прав, декларированных эмиграции наравне с соседями по «общему дому», формально занимался Русский отдел специально созданной общенародной организации «Общество согласия» *Кио-Ва-Кай*. Ранее созданные самим русским сообществом Харбинский комитет помощи беженцам и другие благотворительные объединения, предоставлявшие нуждавшимся кров, одежду и питание[3], имели ограниченные возможности влияния на сложившуюся ситуацию из-за отсутствия у них официального статуса представителя сообщества перед властями.

Центром эмиграции, её полномочным представителем должно было стать Бюро по делам российских эмигрантов (БРЭМ), созданное на основании резолюции Министерства внутренних дел Маньчжоу-Го от 29 декабря 1934 года. БРЭМ, призванное «объединить вокруг себя те элементы эмиграции, которые не могут относиться равнодушно к судьбам своей родины» [2], возглавляли деятели белого движения: генерал-лейтенант В.В. Рычков (1934-1935), генерал-лейтенант А.П. Бакшеев (1935-1938), генерал от кавалерии В.А. Кис-

лицин (1938-1943), генерал-лейтенант Л.Ф. Власьевский (1943-1945)[5]. Ключевые посты в структуре занимали члены Российской фашистской партии К.В. Родзаевский, М.А. Матковский. При военном отделе Бюро действовал «Дальневосточный союз военных в Маньчжурской империи» - «Вооружённые силы российской восточной окраины»[1], который обеспечивал единоначалие всех существовавших в эмиграции военных объединений и их планомерную подготовку к столкновениям с Красной Армией. Государство всегда отдавало приоритет идеологической и разведывательной роли Бюро, его работе непосредственно в интересах государственного строительства. Однако в глазах большей части соотечественников Бюро имело именно организационное значение [7]. Главным представлялось то, что оно заботилось о нуждах эмигрантов, ходатайствовало за них перед властями, оказывало материальную помощь и снабжало продовольствием. Бюро называли «эмигрантским правительством», хотя признать его право на это могли далеко не все эмигранты.

Бюро по делам российских эмигрантов, «надстройка» эмигрантского сообщества, сформированная режимом, состояло в зависимости от Японской военной миссии, проводя соответствующую идеологическую и разведывательную работу. Его руководители были членами фашистских организаций или белыми офицерами, поддержавшими милитаристов. Однако БРЭМ делало многое для удовлетворения насущных нужд соотечественников, в условиях беспрекословного подчинения властям нередко решаясь обратиться к ним за финансовой поддержкой или с предложениями, представляя интересы эмиграции и осуществляя правозащитную деятельность[1]. БРЭМ объединяло 163 различные эмигрантские организации[1], выступало механизмом, консолидировавшим соотечественников и обеспечивавшим этническую целостность русской колонии за счёт поддержания её национального самосознания, что отвечало целям политики государства Маньчжоу-Го.

Источники и литература

- 1) Аурилене Е.Е., Потапова И.В. Русские в Маньчжоу-Ди-Го: «Эмигрантское правительство». Хабаровск, 2004.
- 2) Кочубей О. И., Печерица В.Ф. Исход и возвращение (Русская эмиграция в Китае в 20-40-е годы). Владивосток, 1998.
- 3) Лазарева С.И. Роль Харбинского комитета помощи русским беженцам в становлении социальной защиты русских эмигрантов в Маньчжурии (1923 –начало 40-х гг. XX в.) // Известия Восточного института, № 1(21).2013. С. 10-19.
- 4) Печерица В. Ф. Восточная ветвь русской эмиграции. Владивосток, 1994.
- 5) Смирнов С.В. "Прошедшие все ступени": участие российских офицеров в государственных структурах Маньчжоу-Го // Известия Уральского федерального университета, Сер. 2. Гуманитарные науки. 2012. № 3 (105). С. 108-126.
- 6) Старосельская Н. Д. Повседневная жизнь «русского» Китая. М., 2006.
- 7) Таскина Е. П. Неизвестный Харбин. М., 1994.